

№

7

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна издавiю—за годъ (50 №№): безъ доставки—2 р., съ доставкою на домъ въ Москвѣ—2 р. 50 к. и съ пер. въ другiе города—3 р. 50 к., за полгода: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. 50 к., и съ пересылкою въ другiе города 2 р., за 3 мѣсяца: безъ доставки 75 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. и съ пересылкою въ другiе города 1 р. 50 к. Цѣна отдѣльному экземпляру номера 10 к. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ Антракта при типографiи И. И. Смирнова (на Никольской улицѣ), въ типографiи императорскихъ театровъ Т. Риса (у Мясницкихъ воротъ), у книгопродавцевъ: бр. Салаевыхъ, Соловьева, Черенина и Глазунова, въ магазинахъ Перадовскаго и Корещенко старшаго, въ почтамтѣ и во время спектаклей въ книжной лавкѣ Большаго театра; въ С. Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ.

Содержанiе: Московскiй театръ.—Жоржъ Зандъ о театрѣ, А. Н. Плещеева.—Замѣтка по поводу упадка современнаго балета.—Смѣсь (IV-й томъ *Шекспира* въ русскомъ переводѣ, Спектакли великимъ постомъ. Предстоящiе въ Москвѣ концерты. Концерты Апполинарiя Контексаго. Объ итальянской оперѣ въ Москвѣ. Новая пiеса. Графъ Толстой. Выручка съ маскарада въ пользу страждущихъ отъ неурожая. Ангажементъ Вахтеля въ Петербургѣ. Подарки петербургскимъ артистамъ. Полина Лукка. Виолончелистъ Давидовъ. Несчастный случай. Торги на театральныя афиши. Новый театръ. Изъ Бронницъ и Костромы).—Некрологъ (М. А. Офросимовъ).

МОСКОВСКIЙ ТЕАТРЪ.

Подобно тому, какъ въ мiрѣ служебномъ, въ мiрѣ чиновничьемъ, существуютъ сроки представленiй къ наградамъ, такъ и въ нашемъ сценическомъ мiрѣ завелся также срокъ какъ-бы представленiя къ наградамъ; только представленiя эти дѣлаются не начальству, а самой публикѣ. Со времени послѣдней бывшей въ Москвѣ итальянской оперы, срокомъ такимъ стало прощальное воскресенье на масляницѣ. Въ этотъ день, въ который оканчиваются спектакли предъ великимъ постомъ, на Большомъ театрѣ стали составлять спектакли изъ отрывковъ разныхъ оперъ и балетовъ, въ которыхъ, по возможности, могли бы участвовать всѣ лучшiе персонажи этихъ труппъ, и публика различными подарками, вѣнками, букетами и т. п. преимущественно въ этотъ день награждаетъ артистовъ, уже успѣвшихъ заслужить любовь своимъ талантомъ и усердными занятiями искусствомъ, или поощряетъ начинающихъ, подающихъ надежды, или почему либо заслужившихъ ея благосклонность.

Въ нынѣшнее послѣднее воскресенье на масляницѣ публика наградила только артистокъ, никто же изъ артистовъ въ этотъ день наградъ отъ нея не удостоился.

Первые, представленныя публикѣ къ наградамъ, были

г-жа Александрова и г. Финокки въ отрывкѣ изъ оп. *Норма*; г-жа Александрова получила корзину съ цвѣтами.

За сценою изъ *Нормы* шелъ одноактный балетъ Сенъ-Леона *Василискъ*, въ которомъ г-жа Карпакова 1-я удостоилась получить большой букетъ цвѣтовъ.

Въ послѣдовавшей за тѣмъ сценѣ изъ 4-го акта оперы *Жизнь за царя* («Добрый конь въ полѣ палъ») г-жѣ Оноре былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ.

Главная же награда и главное торжество въ этотъ вечеръ достались на долю г-жи Собошанской. Эта талантливая, добросовѣтная и въ высшей степени усердная и старательная танцовщица въ продолженiи цѣлаго нынѣшняго года одна поддерживала московскiй балетъ и публика 11 февраля выказала вполне ей свою благодарность. Появленiе ея въ картинѣ изъ 3-го акта бал. *Комекъ Горбунокъ* было встрѣчено громомъ рукоплесканiй, многократно возобновлявшихся; мазурку и финалъ г-жа Собошанская, по требованiю публики, должна была протанцовать три раза и ей былъ поданъ отъ публики богатый серебрянный чайный сервизъ (работы Губкина, цѣною около 1000 руб.). На каждой вещи сервиза вырѣзанъ вензель г-жи Собошанской (А. С. славянскими буквами въ лавровомъ вѣнкѣ), а вокругъ серебряннаго подноса—имена поднесшихъ подарокъ. Сервизъ этотъ лежалъ въ большомъ ящикѣ, убранномъ вокругъ цвѣтами. Кромѣ того, г-жѣ Собошанской былъ переданъ

большой лавровый вѣнокъ. По окончаніи балета послѣдовали многократныя ея вызовы, а также и вызовы одного изъ нашихъ балетныхъ деижеровъ, г. Лузина, котораго громкіе крики публики заставили выдти на сцену и нѣсколько разъ вмѣстѣ съ г-жею Собоцанскою появляться на вызовы публики. Въ этомъ же балетѣ былъ поднесенъ букетъ г-жѣ Гороховой 2-й.

За сценою изъ *Конька Горбушка* слѣдовала арія Церлины изъ 2-го акта прелестной оперы Обера *Фра-диаволо*, одно изъ лучшихъ торжествъ г-жи Меньшиковой. Пѣвицѣ былъ поднесенъ, на атласной бѣлой подушкѣ, убранной цвѣтами, отдѣланный въ серебрѣ альбомъ съ портретами композиторовъ. Хвала мысль поднести пѣвицѣ альбомъ съ портретами композиторовъ, вполне раздѣляя мнѣніе, что г-жа Меньшикова заслуживаетъ этотъ подарокъ, мы не можемъ не остановиться на одномъ курьезѣ, которымъ насъ поразилъ этотъ альбомъ. На серебрянномъ верхнемъ переплетѣ его вставлены фотографическіе миниатюрные портреты четырехъ русскихъ композиторовъ, *Глинки, Стррова, Даргомыжскаго* и кого четвертаго, какъ бы выдумали? Кому изъ невидавшихъ альбома мы ни задавали этого вопроса, всѣ отвѣчали:—*Верстовскаго*. Такъ, кажется, и слѣдовало бы; но ни чуть не бывало. Автору *Аскольдовой могилы*, оперы, которая обошла всю Россію съ колоссальнымъ успѣхомъ, мотивы которой сдѣлались народными, поднесіе г-жѣ Меньшиковой альбомъ предпочли автора весьма неудавшейся оперы *Гроза*, г. Кашперова! Ну, нечего сказать, хорошъ музыкальный вкусъ и хорошо знаніе исторіи русской оперы у тѣхъ, которымъ пришла идея рядомъ съ портретами не только Стррова и Даргомыжскаго, но даже Глинки, помѣстить г. Кашперова, а не Верстовскаго!

За арією Церлины изъ *Фра-диаволо* слѣдовалъ большой характерный дивертисментъ въ 1 дѣйствіи, поставленный на здѣшней сценѣ г. Соколовымъ, *Цыганскій таборъ*. Въ этомъ характерномъ дивертисментѣ были поднесены: г-жѣ Шапошниковой большая продолговатая корзинка съ бѣлыми цвѣтами, среди которыхъ лежали браслетъ, брошка и серьги, г-жамъ Карпаковой 1-й и Боррегаръ—корзины съ цвѣтами, а г-жамъ Рябовой и Карпаковой 2-й—тоже корзины съ цвѣтами, съ присоединеніемъ къ нимъ футляровъ, въ которыхъ находились серьги, браслеты и брошки, а въ корзинѣ, поднесенной послѣдней изъ названныхъ танцовщицъ, находились еще и часы.

Цыганскій таборъ шелъ въ 1-й разъ на московской сценѣ 4 февраля (11 февраля было его повтореніе) и такъ какъ въ «Антрактѣ» не было еще ничего говорено объ немъ, то мы и позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ характерномъ дивертисментѣ. *Цыганскій таборъ* впрочемъ не просто дивертисментъ, онъ даже и не такой характерный дивертисментъ, какимъ мы привыкли называть произведенія въ родѣ *Селлика*, или *гулянья въ Марышней роуцѣ*, а имѣетъ въ себѣ нѣчто въ родѣ сюжета, хотя все

его микроскопическое содержаніе, на сколько мы могли понять и уловить его, при представленіи на сценѣ (программы его не напечатано), можно передать въ нѣсколькихъ словахъ. Если мы плохо и несовсѣмъ вѣрно его поняли и уловили, то вина эта падаетъ сколько на насъ, которые не могли понять его лучше, столько же и на постановщика и на исполнителей, которые не дали понять его яснѣе.

Въ цыганскомъ таборѣ праздникъ, на который является нѣсколько молодыхъ вельможъ. Особенное вниманіе всѣхъ привлекаетъ красавица цыганка Зарема (г-жа Шапошникова). Она отвергаетъ любовь графа Альфонса де Брабо (г. Рейнзгаузенъ), но охотно принимаетъ любовь Лоренца де Градьяцъ Мотабаръ (г. Кузнецовъ)—который объявляетъ всѣмъ, что женится на Заремѣ, по каковому случаю тотчасъ же и начинаются танцы. Такой сюжетъ, или, лучше сказать, такое отсутствіе сюжета мы готовы предпочесть содержанію нѣкоторыхъ произведеній Сень-Леона, какъ напр. его *Василиска* и *Валахской невесты*. По крайней мѣрѣ сюжетъ *Цыганскаго табора* почти равняется нулю, а сюжеты *Василиска* и *Валахской невесты* суть величины отрицательныя. Впрочемъ о средствахъ противъ пошлости, нескладности и пустоты сюжетовъ теперешнихъ балетовъ въ нынѣшнемъ № Антракта помѣщается особая замѣтка. Танцы въ *Цыганскомъ таборѣ* отличаются не столько изяществомъ, сколько гимнастическими трудностями, какъ напр. держаніе танцовщикомъ двухъ танцовщицъ, или держаніе имъ же одною рукою лежащей танцовщицы и т. п.

Велѣдъ за *Цыганскимъ таборомъ* были даны: сцены изъ оп. *Русалка* Даргомыжскаго, въ которыхъ ни кому ничего не поднесли, хотя и много хлопали ея исполнителямъ, и *Дивертисментъ*, въ которомъ г-жѣ Шапошниковой, исполнявшей Латышскій танецъ, былъ поднесенъ вѣнокъ.

Вечерними спектаклями 11 февраля прекратились спектакли до конца святой недѣли, потому что, къ величайшему сожалѣнію любителей театра, слухъ, сообщенный почти всѣми газетами о разрѣшеніи въ Россіи театральныхъ представленій со второй недѣли текущаго поста и принятый съ такимъ всеобщимъ сочувствіемъ, не оправдался.

Началась такъ называемая концертная пора, Нижегородъ, въ Смѣси, мы сообщаемъ списокъ предлагаемыхъ концертовъ, а здѣсь обратимъ особенное вниманіе нашихъ читателей на концертъ, имѣющій быть въ нашемъ Большомъ театрѣ, завтра, 19 февраля. Дирекція московскихъ театровъ возымѣла прекрасную мысль отпраздновать высокоторжественный день восшествія на престолъ Государя Императора благотворительнымъ концертомъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Прекрасная цѣль концерта, а также и его хорошій составъ, въ которомъ примутъ участіе всѣ лучшія силы персонала московскихъ театровъ и, кромѣ того, нѣкоторые члены московской консерваторіи, заставляютъ вполне

надѣяться, что публика въ этотъ концертъ наполнитъ нашъ театръ съ верху до низу.

ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ О ТЕАТРѢ.

Въ прошедшемъ году вышелъ въ свѣтъ третій и послѣдній томъ *Полнаго театра Ж. Занда*; когданибудь мы посвятимъ отдѣльную статью оцѣнкѣ драматическихъ произведеній знаменитаго романиста, собранныхъ въ этомъ изданіи, теперь же хотимъ только познакомить читателей Антракта со взглядомъ Ж. Занда на драматическое искусство, высказаннымъ ею въ предисловіи, которое она предпослала своему театру. Мы нашли здѣсь нѣсколько вѣрныхъ и честныхъ мыслей и потому сочли нелишнимъ перевести большую часть этого предисловія. Намъ кажется, что оно не безъ интереса прочтется всѣми, кому близко къ сердцу драматическое искусство. Нельзя не признать, что Ж. Зандъ, какъ бы значительны ни были недостатки ея сценическихъ произведеній, недостатки, скорѣй относящіеся къ выполнению, нежели къ сущности ихъ, всегда оставалась вѣрна тѣмъ взглядамъ и принципамъ, которые высказываетъ въ своемъ предисловіи.

Когда мы выступили на поприще драматическаго писателя, говоритъ Ж. Зандъ, матеріализмъ овладѣлъ сценой. Великіе таланты, влѣдствіе политическихъ событій, нѣсколько отдалились отъ театра; а второстепенные и третьестепенные не старались дать ему новаго направленія. Мы также не имѣли ни малѣйшей претензіи на какое нибудь нововведеніе. Совершенно неожиданный успѣхъ очень простой пьесы *François le Champri*, не ослѣпилъ насъ. Никогда и впослѣдствіи не являлось у насъ желанія затмить кого бы то ни было; никогда подобное желаніе не заставляло насъ броситься въ эту лихорадочную борьбу, составляющую жизнь драматическихъ писателей, жизнь, совершенно особенную, исполненную сильныхъ ощущеній и всякаго рода тревогъ. Говорятъ, что безъ этой постоянной напряженности, безъ соперничества, безъ маленькихъ предательствъ и агитацій, безъ этой страшной жажды успѣха—невозможно полное торжество. Мы этого не думаемъ. Мы видѣли доказательство совершенно противнаго, даже на авторахъ, наиболѣе чествуемыхъ и разбогатѣвшихъ.

Великая сила и единственно истинная—это талантъ. Все остальное фальшиво, непрочно и даже успѣхъ иногда ничего не доказываетъ, потому что если бываетъ успѣхъ заслуженный, то бываетъ за то и скандальный; исторія можетъ подтвердить это.

Пускай талантъ то окружаютъ почетомъ, то отталкиваютъ въ театрѣ; пускай бездарность, сегодня ошканная, а завтра увѣнчанная лаврами, подвергается одинаковымъ превратностямъ съ гениемъ,—что за дѣло! Во всѣ времена публика театровъ была измѣнчива, разсѣянна, предубѣждена, нетерпѣлива, холодна, или восторженна, подъ вліяніемъ тысячи разныхъ случайностей, которыя не имѣютъ ничего общаго съ искусствомъ и которыя не мѣшаютъ ей однакоже, когда придетъ

время, искупить свою ошибку блестящей реабилитацией. По этому-то мы никогда никому не посоветуемъ принимать минутный успѣхъ за абсолютное доказательство, и отъ души пожалѣемъ писателя, жертвующаго своими убѣжденіями этой сомнительной, шаткой удачѣ.

Принявъ это за правило, мы уже не будемъ трактовать о театрѣ съ точки зрѣнія того, что нравится, или не нравится толпѣ, что падаетъ, или имѣетъ успѣхъ. Мы станемъ на болѣе твердую почву и напомнимъ о настоящей цѣли драматическаго искусства.

Каждый вечеръ значительная часть образованнаго населенія большихъ городовъ посвящаетъ нѣсколько часовъ—мечтательной жизни, каждый вечеръ извѣстное число театровъ отворяетъ свои двери для тѣхъ, кто чувствуетъ потребность позабыть дѣйствительную жизнь, и потребность эта до такой степени обща, что очень часто всѣ театры бывають полны. Это ведется съ самыхъ отдаленныхъ временъ и такъ будетъ всегда. Никогда человѣкъ не обойдется безъ иллюзіи: жизнь дѣйствительная, та, которую онъ себѣ самъ устраиваетъ, не удовлетворяетъ его. Ему нужно забыть ее; нужно присутствовать при изображеніи инаго міра, трагическаго или забавнаго, который бы отвлекалъ его отъ личныхъ заботъ. И эта потребность зрѣлицъ, гораздо болѣе доказывающая жажду иллюзіи, присущую человѣческой природѣ, нежели пустоту жизни, или избытокъ досуга, можетъ однакоже привести общество къ самому суровому скептицизму такъже, какъ и пробудить въ немъ благороднѣйшія стремленія. Все зависитъ отъ сущности того, что служить пищей этой неодолимой, вѣчной потребности.

Для серьезнаго художника, автора или актера, посвятившаго себя творческой дѣятельности, успѣхъ моды и денегъ—далеко не одно и то же, что успѣхъ чувства и разума. Успѣхъ не существуетъ для него, если онъ ничего не оставилъ въ душѣ вашей, кромѣ удивленія. Если бы Мольеръ возбуждалъ только смѣхъ, его бы давнымъ давно позабыли и смотрѣли бы на него, какъ на литературный курьезъ, вышедшій изъ моды. Мольеръ гораздо болѣе изображаетъ характеры, нежели осмѣиваетъ странности, гораздо болѣе поучаетъ, чѣмъ развлекаетъ. Вотъ почему онъ, послѣ долгой и упорной борьбы съ итальянскими буффами, заставилъ наконецъ забыть ихъ и заслужилъ вѣчную славу. Итальянскіе буффы, въ своей чередѣ, не безъ основанія предпочитались плохой комедіи нравовъ. Они держали скипетръ смѣха въ цѣломъ мірѣ, потому что и они тоже были прогрессомъ и поученіемъ. Ихъ маски выражали психологическіе типы. Какой нибудь Пантолонъ не только чудакъ и уродъ, онъ прежде всего тщеславенъ и скупъ. Тартанъ не забавлялъ бы и часу, еслибъ онъ былъ только близорукъ и картавъ, нѣтъ, онъ былъ въ тоже время глупецъ, и злой глупецъ. Что было справедливо во времена младенчества искусства, остается и теперь справедливымъ. Существованіе сценическихъ фикцій необходимо обуславливается поученіемъ.

Известное выражение «все роды хороши, кроме скучного» только подтверждает эту истину. В чем быть поучения, то очень скоро наскучить; и во всем, что действительно забавляет, даже под самой легкой, шутовской формой, таится всегда, будьте уверены, серьезная критика. Не смотря на банальную очевидность этих истин, в новейшую драматическую литературу вкралась большая ошибка: это потребность привлекать публику всем, чем хотите, вместо того, чтобы обращаться исключительно к ее хорошим инстинктам. Для большей части авторов, актеров и антрепренеров главное дело в том, чтобы отыскать жилку денежного успеха. Это впрочем понятно и не может до такой степени возмутить нас, как возмущает людей, незнакомых с тем, что происходит за рампой. Для автора, не имющего «денежного успеха», двери всех театральные дирекции закрыты. Актеру, не делающему сборов, тотчас отказывают. Директору, которому не окупилась издержки, грозит разорение, а иногда и безчестие. Во времена чрезмерной усиленной деятельности, какя переживаем мы, успех нужен, чем когда-либо, и следовательно ошибка не в том, чтобы искать его. Но искать успеха без метода, без убеждения, значить писать на песок и строить на воздух, что и случается нынче с большей частью театров, которые слывят счастливыми, или несчастными, ибо мысль, руководящая ими, вполне предоставлена случайности, и случайность одна наполняет, или не наполняет их. Теперь так привыкли не давать никакой цѣны литературному достоинству пьесы, что безпрестанно приходится слышать от театральные: это хорошо, но не будет иметь успеха; это глупо, но даст сбор. Или когда речь зайдет о невозможных положениях, о нелѣпых расвязках, говорят: наша публика любит это. Потом еще: это слишком хорошо написано; публика не слушает того, что хорошо написано. Не изображайте великих характеров, публика не понимает их. Ваши действующие лица слишком честны; их найдут невѣроятными. Создавайте людей реальных, самых реальных. Публика хочет видеть самое себя и называет возвышенныя концепции пустой фантазией, и в этом случае многие критики сходятся с ней. Ищите эффектов; публика любит эффекты. Ей вовсе не нужно, чтобы они логически вытекали из действия; лишь бы они были остроумно придуманы; для нея все искусство состоит в том, чтобы из самых избитых положений извлечь самый неожиданный эффект. Публика хочет, чтобы ее изумляли. Все, что может ее убеждать, или трогать, исчерпано. Давайте ей перцу; она даже не чувствует вкуса соли.

Бѣдная публика! Еслиб она послушала, как о ней толкуют театральные мудрецы, какими бы свистками она имь отстала!

И все это однакож ложно. Публика не любит того, что ее изумляет, не убеждая. Она не ненавидит великаго; она слушает хорошее, она даже любит

прекрасное. Правда, она часто принимает мѣдь за золото и серебро за свинец. Это ужь неизбежно. Но развѣ из этого слѣдует, что надо сдѣлаться фальшивым монетчиком?

Нѣтъ, потому что если бы даже советъ ваша не гнушалась этимъ ремесломъ, то опытъ докажетъ вамъ скоро, что оно никуда не годится. У этой публики, которую такъ легко обмануть, бываютъ дни ясновидѣнія, когда она строго васъ осуждаетъ. Она приходитъ въ театръ холодная и недовѣрчивая, или не приходитъ вовсе, что еще хуже. Она можетъ быть порой очень несправедлива, можетъ не понять гениальнаго произведенія, но точно также можетъ и почувствовать и оцѣнить его, когда придетъ время. Она разрушаетъ все ваши предположенія и совершенно сбиваетъ васъ съ толку, потому что она подвижна, измѣнчива, какъ и всякій, кѣмъ управляетъ непосредственное впечатлѣніе; и когда вы говорите, что она любитъ то и не любитъ этого, когда вы хвалитесь, что знаете ее вкусы, вы находитесь накануне страшнаго разувѣренія которое вы потомъ постараетесь объяснить себѣ, но никогда однакоже не объясните, потому что вамъ придется сильно порицать то, что вы считали хорошимъ, и возносить до небесъ то, въ чемъ вы сомнѣвались.

Но въ чемъ же наконецъ заключается *вѣрное* средство успеха? Увы! Примиритесь съ мыслью, что его нѣтъ. Театральное представленіе всегда будетъ игрою въ кости, гдѣ рука дрожитъ у того, кто ихъ поддѣлалъ; но гдѣ тотъ, кого ни въ чемъ не упрекаетъ его художническая совѣсть, остается спокойнымъ и хладнокровнымъ, всегда предвидя возможность проигрыша. Мы знаемъ однакоже, что тутъ вопросъ жизни и смерти для директора, для автора, для артиста... Конечно, все трое должны дрожать, если характеръ ихъ не стоитъ на высотѣ той опасности, куда ихъ бросило самолюбіе. Но публикѣ нѣтъ никакого дѣла до всехъ вашихъ мечтаній и опасеній. Она говоритъ, что если у васъ нѣтъ храбрости, то съ вашей стороны безумно идти на рискъ. Не ждите ничего лучшаго отъ этого властелина, котораго вы заранѣе старались задобрить лестью и уступками. Можетъ быть, вы, въ воображеніи своемъ, подстерегали его улыбку, заискивали его расположенія, трепетали передъ мыслью объ его насмѣшкѣ... Напрасно, напрасно! Онъ будетъ дѣлать только то, что ему угодно.

Такъ для чего же жертвовать своей совѣстью какой-то безусловной случайности? Здѣсь, какъ и во всемъ, жизнь есть игра случая, и единственная увѣренность заключается въ чувствѣ, которое человекъ носитъ въ самомъ себѣ. Если вы безчестны—вы можете быть наказаны. Если вы честны, вы можете быть раздавлены. Вотъ неизвѣстность вашего будущаго; но вамъ остается свободный выборъ быть честнымъ, или безчестнымъ. Этого довольно для того, чтобы вы очень ясно могли видѣть цѣль и употребленіе вашей жизни.

По однакожъ есть шансы, скажете вы. Умъ и талантъ всегда будутъ стараться, чтобы эти шансы оказались на

ихъ сторонѣ. Справедливо; но и совѣсть тоже можетъ статься объ этомъ; отдѣляя умѣнье отъ совѣсти, вы уменьшаете ваши средства на половину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ваши шансы на успѣхъ. Пастъ вълѣдствіе недостатка умѣнья не стыдно. Въ театрѣ, гдѣ вообще много ума, изобрѣли особое слово для такихъ паденій: это *succes d'estime* — почтенный успѣхъ. Но пастъ во всеоружіи умѣнья, это уже истинное осужденіе, если только причины паденія нравственны.

И потомъ, нужно оговориться относительно слова: *умѣнье*. Если это значитъ заставить публику «проглотить» ложное положеніе и поступки, несообразные съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ, для достиженія *счастливаго эффекта*, то умѣнье тутъ еще не велико. Въ искусствѣ, какъ и въ жизни, отложивъ въ сторону совѣсть, найдемъ возможность значительно упростить множество вопросовъ. Но если умѣнье ваше состоитъ въ томъ, что вы на предубѣжденную и недоброжелательную публику успѣли произвести впечатлѣніе естественными и сильными положеніями, благородными и великодушными намѣреніями, о, тогда вы на хорошемъ пути и успѣхъ вашъ проченъ, потому что хотя эта публика и отказываетъ иногда въ заслуженномъ успѣхѣ, но за то она уже не охладѣваетъ къ тому, что признала разъ достойнымъ своего одобренія, и новыя поколѣнія подтверждаютъ справедливый судъ поколѣній предшествовавшихъ.

Часто приходится слышать о какомъ нибудь авторѣ, артистѣ, или просто спекулянтѣ, имѣющемъ успѣхъ: «Ловкій человекъ! Хорошо знаетъ публику!» Это въ нѣкоторыхъ случаяхъ и относительно нѣкоторыхъ личностей равносильно слѣдующему: «Какой нахаль! Какъ онъ презираетъ искусство и честность!»

Говорятъ, что въ наше время міръ принадлежитъ ловкимъ людямъ. Очень рады. Мы вовсе не думаемъ, что ловкій человекъ необходимо долженъ быть плутомъ; и между писателями мы знаемъ личности, весьма хорошо ведущія свои дѣла, что не мѣшаетъ имъ быть людьми вполне честными, достойными уваженія и нескандающими истины въ угоду кому бы то ни было.

Что касается до насъ, испытавшихъ на театрѣ и значительные успѣхи и также *succes d'estime*, т. е. неудачи, мы останемся неизмѣнны въ нашемъ уваженіи къ публикѣ, и изъ всего, нами сказаннаго здѣсь, можно видѣть, какъ мы понимаемъ это уваженіе. Прибѣгать къ недостойнымъ средствамъ для того, чтобы ей понравиться, приносить свои убѣжденія въ жертву предполагаемому въ ней отсутствію идеала, значило бы, по нашему мнѣнію, не уважать, а напротивъ глубоко презирать ее. Мы уважаемъ ее не за аплодисменты итакже не за то, что наполняетъ ея кошелек. Она часто весьма не кетати бываетъ щедра, или скупа на эти вещи. Если она въ извѣстные дни скептически и презрительно относится къ поэзіи, то тѣмъ хуже для нея, а не для насъ. Въ другой день она будетъ лучше настроена и мы, или кто другой, болѣе насъ за-

служивающій успѣха, воспользуется плодами этого настроенія, все равно. Что мы въ ней находимъ болѣе достойнымъ уваженія, это прогрессъ, къ которому она всегда способна; чему мы не перестанемъ льстить въ ней, это прекрасной сторонѣй человеческой природы, высокимъ инстинктамъ, которые рано или поздно берутъ верхъ. Что же касается до припадковъ ея прозаизма и нравственнаго усыпленія, то мы не будемъ подстерегать ихъ для того, чтобы имъ кадить, и когда вступимъ въ борьбу съ ея заблужденіями и предразсудками, она не дожидается отъ насъ уступокъ, хотя бы мы и были поставлены между свистками и полнымъ сборомъ.

Принявъ это рѣшеніе, котораго мы не считаемъ нужнымъ скрывать, мы, можетъ быть, должны ожидать болѣе неудачъ, нежели успѣховъ; но мы убѣждены, по крайней мѣрѣ, что мы не будемъ чувствовать ни униженія, ни раскаянія въ нашихъ драматическихъ трудахъ.

А. Плещеевъ.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ УПАДКА СОВРЕМЕННАГО БАЛЕТА.

Въ «Антрактѣ» не разъ со строгостью, вызванною уваженіемъ къ дѣлу, было говорено объ упадкѣ современныхъ балетовъ. Между тѣмъ многіе утверждаютъ, что къ балету нельзя относиться серьезно, съ тою же строгостію, съ какою относятся къ другимъ драматическимъ произведеніямъ. Но почему же нельзя? Намъ вотъ такъ кажется, что не только можно, но даже должно.

Вѣдь балетъ есть драматическое произведеніе, какъ и комедія, и трагедія, и опера; драматическое же произведеніе, будь оно выражено словами, музыкой, или мимикою—все равно, должно быть произведеніемъ художественнымъ, а для каждаго художественнаго произведенія существуютъ одни общіе законы и соблюденія этихъ художественныхъ законовъ, законовъ прекраснаго, всякій имѣетъ право требовать и отъ балета и если какой либо балетъ не удовлетворяетъ этимъ законамъ, то онъ перестаетъ уже быть художественнымъ произведеніемъ и низводится до простой балаганной забавы, которая не должна быть на сценѣ театра, этого по старинному, фигуральному, но тѣмъ не менѣе справедливому названію—храма музъ, т. е. мѣста, посвященнаго на служеніе изящнымъ искусствамъ.

Но кромѣ этой непреложной общей причины, которая даетъ неотъемлемое право относиться къ балету съ такими же серьезными и строгими требованіями, съ какими относимся и къ другимъ художественнымъ произведеніямъ, существуютъ еще особыя, такъ сказать историческія причины, которыя заставляютъ къ балету относиться еще даже строже, чѣмъ къ другимъ произведеніямъ, являющимся на нашей сценѣ. Новый балетъ обыкновенно ставится одинъ въ теченіи цѣлаго года, а даже иногда и цѣлыхъ двухъ лѣтъ; на его постановку тра-

тятся значительныя суммы денегъ, большія, чѣмъ на всѣ драматическія произведенія цѣлаго года; для него пишется новая музыка, рисуются новыя декораціи, шьются новыя костюмы, устраиваются замысловатыя машины, пускаются въ ходъ новыя открытія химіи и физики; надъ постановкою его трудятся нѣсколько сотенъ рукъ и ногъ, для него выписываются особенныя балетныхъ дѣлъ мастера, т. е. такъ называемые балетмейстеры, пользующіеся европейскою извѣстностью; балетъ имѣетъ многіе десятки репетицій; перваго представленія его ждуть, какъ какого-то художественнаго праздника; театральная дирекція рассчитываетъ на него, какъ на самое вѣрное средство дѣлать сборы... Какъ же при всѣхъ этихъ условіяхъ не требовать отъ избраннаго для постановки балета многого, какъ же не относиться къ нему строго?

Между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, въ какомъ страшномъ упадкѣ находится современный балетъ. Даже балеты такихъ европейскихъ знаменитостей, какъ, напр., Сень-Леонъ и Перро, поражаютъ безсмыслицею своихъ сюжетовъ. Изъ современныхъ балетмейстеровъ у одного только Роты есть хорошія, художественныя стремленія, но и эти стремленія остаются большею частію только стремленіями, потому что Рота, при всемъ своемъ здоровомъ взглядѣ на балетъ, какъ на драму, выраженную мимикой, не одаренъ большимъ поэтическимъ дарованіемъ.

Отъ чего же происходитъ такой упадокъ балета, такая бессмыслица ихъ сюжетовъ? Отъ того, что теперешніе сочинители балетовъ, будучи хорошими сочинителями танцевъ, постановщиками балетовъ, вовсе не одарены поэтическимъ талантомъ, чтобы сочинять художественныя произведенія, чтобы придумывать поэтическіе сюжеты для своихъ балетовъ.

Рѣдко, можетъ быть вѣками, рождаются такія личности, какъ Карлъ Дидло, у которыхъ талантъ танцмейстера и постановщика соединяется съ поэтическимъ дарованіемъ писателя. Между тѣмъ, для того, чтобы балетъ былъ художественнымъ произведеніемъ, такое соединеніе необходимо. Какъ же помочь горю?

Исторія балета отвѣчаетъ на это весьма просто. Изъ балетовъ, дающихся въ настоящее время на европейскихъ сценахъ, лучшими могутъ похвастаться *Сильфида* и *Сатанилла*. Но вѣдь эти художественныя произведенія сочинены не одними присяжными балетмейстерами. Тальони вдохновилъ талантъ Шарля Бернара, его разсказъ *Трильби*, изъ котораго тотъ заимствовалъ сюжетъ своей *Сильфиды*, а Мазилье помогло дарованіе Фредерика Сулье и, кромѣ того, въ сочиненіи *Сатаниллы* участвовалъ также опытный драматургъ, сотрудникъ Скриба, Сень-Жоржъ. Что же мы можемъ вывести изъ этого примѣра? Если нельзя найти соединенія дарованій и поэта и балетнаго постановщика въ одномъ лицѣ, то пусть для сочиненія балета соединяются два лица, писатель и балетмейстеръ.

Извѣстно, съ какою роскошью ставятся балеты въ Москвѣ и Петербургѣ, особенно въ Петербургѣ. На балетныя

постановки денегъ не жалѣется. Но жаль, что деньги эти уходятъ на постановку какой нибудь нескладницы. Чтобы избѣгнуть этого горя, мы предложили бы вотъ какое средство. Новыхъ балетовъ ставится одинъ, два въ годъ. Пусть ежегодно объявляется конкурсъ на сочиненіе балетной программы, назначается премія за лучшую, за ту, которая приметъ къ постановкѣ. Тамъ, гдѣ тратятся иногда десятки тысячъ, нечего жалѣть какихъ нибудь 500, или даже 1000 руб. При томъ деньги эти могутъ быть взяты изъ того громаднаго гонорарія, который платится балетмейстерамъ. Къ извѣстному сроку на конкурсъ должны быть представлены балетныя программы, въ сочиненіи которыхъ, хотя ради преміи, по всей вѣроятности, примутъ участіе нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ. Да отъ чего же и не принять? Вѣдь балетъ тоже художественное произведеніе и сочиненіе *хорошей* балетной программы не можетъ и не должно компрометировать писателя. Но кому быть судьей на этомъ конкурсѣ. Да на первый разъ, пожалуй, пусть разсмотрѣніе и обсужденіе представленныхъ на конкурсъ программъ будетъ предоставлено существующему при театральной дирекціи литературно-театральному комитету, къ членамъ котораго на этотъ случай можно было бы присоединить специалистовъ: балетмейстера, дирижера балетнаго оркестра, главнаго машиниста, главнаго декоратора, и даже главнаго костюмера, а пожалуй и перваго танцовщика съ первою танцовщицею; только всѣмъ этимъ специалистамъ предоставить имѣть сужденіе не о художественномъ достоинствѣ представленныхъ на конкурсъ балетныхъ программъ, а объ возможности и удобствѣ постановки ихъ на сцену.

Выбранная на конкурсъ программа передается балетмейстеру и онъ обязуется, съ содѣйствіемъ ея автора, заняться ея постановкою. Отъ балетмейстера будетъ зависѣть принаровленіе программы къ условіямъ балетной сцены.

Для маленькихъ же балетовъ мы бы совѣтывали ихъ постановщикамъ вмѣсто того, что бы придумывать такіе *великопѣнные* сюжеты, какъ сюжеты *Василиска*, *Валахской невѣсты*, брать сюжеты изъ водевилей и передѣлывать ихъ въ балеты, какъ передѣлываютъ въ оперы различныя драмы. Сюжетъ даже такого пустынькаго водевиля, какъ *Узкіе башмаки*, по нашему мнѣнію, очень удобнаго для передѣлки въ балетъ, будетъ получше сюжетовъ названныхъ произведеній Сень-Леона.

Z.

С М Ъ С Ъ.

Въ первыхъ числахъ марта поступить въ продажу четвертый томъ изданія Н. А. Некрасова и Н. В. Гербея. *Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей*. Въ этотъ томъ войдутъ: *Полная біографія Шекспира*, составленная П. Н. Полевымъ по новѣйшимъ англійскимъ источникамъ, и пьесы: 1) *Зимняя сказка* и 2) *Периклъ* въ пер. А. Л. Соколовскаго, 3) *Конецъ всему дѣлу*

внѣць, 4) *Виндзорскія проказницы*, 5) *Комедія ошибокъ* и 6) *Тщетныя усилія любви*, въ пер. П. И. Вейнберга, 7) *Цимбелинъ*, 8) *Мѣра за мѣру*, въ пер. О. Б. Миллера, 9) *Титъ Андроникъ*, въ пер. А. И. Рыжова и 10) *Два веронца* въ пер. В. О. Миллера. Такимъ образомъ съ выходомъ этого тома всѣ драматическія произведенія Шекспира будутъ переведены на русскій языкъ (до сихъ поръ не были ни разу переведены его пѣсы: *Тщетныя усилія любви*, *Титъ Андроникъ* и *Периклъ*). Изъ произведеній Шекспира останутся непереведенными на русскій языкъ: большая часть сонетовъ (у Шекспира ихъ 154 и только немногіе изъ нихъ переведены на русскій языкъ) и поэмы, изъ которыхъ ни одна еще не переведена.

По свидѣтельству Штелина (*Санктпетербургскій Вѣстникъ* 1779г., сентябрь), еще при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ допускались театральныя представленія великимъ постомъ; выборъ пѣсь былъ впрочемъ строгъ, — по словамъ Штелина, исполнялась, на примѣръ, духовная драма Дмитрія Ростовскаго *Эсфирь и Асиферъ*.

Въ нынѣшнемъ великомъ посту предполагаются въ Москвѣ слѣдующіе концерты: въ *февраль*: 18-го — декораторовъ Шангина и Куканова, 19-го — театральной дирекціи въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, 20, 22 и 23-го — ея же съ участіемъ артистовъ петербургской итальянской оперы, пѣвицъ Вольпини и Фіоретти, пѣвца Гасье и капельмейстера Виаези, 25-го — декоратора К. Вальца, 26-го — Шрамека, 27-го — Рубинштейна, 28-го — Александровой, 29-го — Гарфъ; въ *мартъ*: 1-го — Рубинштейна, 3-го — Сѣтова, 4-го — Вѣнявскаго и Бауэра, 5-го — Папендикъ, 6-го — Конгскаго, 7-го — Вѣнявскаго, 8-го — Минкуса, 12 и 15-го — Конгскаго, 18, 20 и 22-го — въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Кроме того предполагаются три концерта Сброва.

Апполинарій Контекій, послѣ 2-го своего концерта въ Москвѣ, далъ съ большимъ успѣхомъ два концерта въ Тулѣ и одинъ въ Орлѣ. Теперь г. Контекій отпразднуетъ въ Псковѣ, куда онъ приглашенъ дать нѣсколько концертовъ и, по возвращеніи оттуда, дастъ концерты въ Москвѣ.

Мы слышали, что импрессарио Мерелли предложилъ дирекціи императорскихъ театровъ привезти послѣ Святой въ Москву на нѣсколько представленій итальянскую оперную труппу. Въ труппѣ этой находится извѣстная пѣвица, г-жа Арго, племянница знаменитаго скрипача и ученица Полины Віардо.

Одобрена къ представленію литературно-театральнымъ комитетомъ и театральною цензурою: *Небывалое горе мужей*, ком. — вод. въ 1 дѣйствіи, передѣл. съ нѣмецкаго Шварцильдомъ.

По поводу постановки гр. *Смерть Юанна Грознаго* на веймарскомъ театрѣ, въ газетахъ пишутъ, что авторъ этой пѣсы, графъ Толстой (на ны-

нѣшней мзляницѣ бывшій въ Москвѣ и смотрѣвшій въ Маломъ театрѣ свою трагедію, а также и *Василису Мелентьеву*). самъ избралъ веймарскую сцену первую для постановки своего произведенія въ Германіи; послѣ Веймара онъ предполагаетъ давать его и на другихъ нѣмецкихъ театрахъ.

На балѣ-маскарадѣ въ пользу страждущихъ отъ неурожая, бывшемъ въ петербургскомъ Большомъ театрѣ 2-го февраля, выручено 80,752 р.

По словамъ газеты «Wandereг» первый теноръ берлинской оперы Теодоръ Вахтель, пѣвшій съ большимъ успѣхомъ на сценѣ Ковентгарденскаго театра въ продолженіе нѣсколькихъ сезоновъ, получилъ блестящій ангажементъ въ петербургскую итальянскую оперу.

Петербургская газета сообщаетъ, что Государь Императоръ, присутствуя на бенефисѣ артистки русской драматической труппы, г-жи Жулевой, пожаловалъ бенефицианткѣ драгоценный подарокъ, состоящій изъ брошки съ изумрудомъ, осыпанный бриллиантами. Г-жа Вольнисъ, въ день прощальнаго своего бенефиса, получила отъ Его Величества браслетъ, съ драгоценными камнями. Кордебалетныхъ артистокъ г. директоръ императорскихъ театровъ, въ бенефисъ ихъ, поздравилъ тоже съ высочайшимъ подаркомъ. Поклонники таланта г-жи Струковой поднесли ей 11-го февраля браслетъ, серьги и брошь съ бриллиантами; кроме того она получила букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, связанный широкою лентою, которая была отдѣлана золотою цѣпью. Г-жа Требелли получила бриллиантовую звѣзду, съ огромнымъ изумрудомъ; г-жа Джіаванонни — бирюзовый крестъ на бирюзовой цѣпочкѣ; г-жа Вольпини — золотой браслетъ, осыпанный бриллиантами; г-жа Фронъ — золотой браслетъ съ драгоценными камнями г-жа Раабе — золотые часы, осыпанные бриллиантами, съ золотою цѣпью, и серебрянную вазу; г-жа Гранцова, во время спектакля, даннаго въ воскресенье 11-го февраля, была положительно осыпана букетами: къ ногамъ ея, счеютомъ, было брошено 400 букетовъ и до 250 лавровыхъ вѣнковъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ *Новаго Времени* вычислилъ, что въ нынѣшній сезонъ поднесено подарковъ разнымъ артистамъ и артисткамъ петербургскою публикою на 28,400 руб., причемъ на долю итальянской оперы, балета и французской драматической труппы приходится 27,900 р., а на долю русской оперы и драмы 500 р.

Въ берлинскія газеты пишутъ изъ Петербурга, что г-жа Лукка вывезла изъ Россіи, кроме весьма цѣнныхъ подарковъ, 25,000 р. с. чистыми деньгами.

Фельетонистъ *Пет. Вѣд.* между прочимъ рассказываетъ о г-жѣ Луккѣ: «Она слишкомъ воспримчива, а мы въ своихъ восторгахъ безпощадны. Мнѣ рассказывали, что послѣ концерта въ пользу бѣдныхъ студентовъ, послѣдніе просили у нея что нибудь на память.

Она оторвала клочъ отъ шали—студенты въ мигъ разорвали этотъ вещественный знакъ невещественныхъ отпощеній; она оторвала еще клочъ—таже исторія; происходившая передъ нею борьба за эти клочья наэлектризовала ее, и она стала рвать свою шаль съ увлеченіемъ необыкновеннымъ, причеиъ лицо ея блистало по истинѣ «божественнымъ выраженіемъ». Это не мое выраженіе, а одного изъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье получить вещественный знакъ».

Извѣстный виолончелистъ Давидовъ предпринимаетъ артистическое путешествіе по Европѣ и посетитъ Лейпцигъ, Бременъ, Франкфуртъ, Кельнъ, Бреславль, потомъ Голландію, Вѣну и, наконецъ, Парижъ.

Газета *Голосъ* сообщаетъ, что во вторникъ 30 января, въ циркѣ г. Гинне, волтижеръ г. Франкъ Барри, во время упражненій своихъ на несѣданной лошади, упалъ и вывихнулъ себѣ ногу. Его вынесли съ арены на рукахъ

3-го февраля происходили въ конторѣ петербургскихъ театровъ торги, а 7-го февраля переторжка на отдачу въ аренду права печатанія петербургскихъ театральныхъ афишъ на новый срокъ, на пять лѣтъ, начиная съ 1-го іюля нынѣшняго года. На переторжкѣ право осталось за г. Вольфомъ, за сумму 25,500 р. въ годъ. Нынѣшній арендаторъ, г. Стелловскій, платилъ около 11,000 р. въ годъ

Изъ Оренбурга пишутъ въ *Русскій Инвалидъ* что 12 января было тамъ открытіе вновь отстроеннаго театра. Нужно отдать полную справедливость строителю (полковнику Шлейферу): новый театръ такъ хорошъ, какъ

лучше желать нельзя, ложи въ два яруса, партеръ, сцена, зала для прогулокъ, корридоры, буфетъ, мебель, все устроено прекрасно. Весь театръ обошелся до 8 т. р.

Въ *Русскія Вѣдомости* пишутъ изъ Бронницъ, что въ этомъ городѣ было нѣсколько спектаклей въ пользу бѣдныхъ и между прочимъ, по предложенію одной изъ участвовавшихъ дамъ, часть вырученныхъ денегъ назначена въ пользу чрезвычайно бѣдной средегвами городской больницы, до которой нѣтъ доступа бѣднымъ людямъ, такъ какъ за лѣченіе въ ней назначена слишкомъ высокая плата, по 6 р. 60 к. въ мѣсяць.

Въ послѣднее время костроичами обуяла страсть къ театру. Хотя труппы актеровъ въ городѣ и нѣтъ, но зато образовалось нѣсколько любительскихъ кружковъ, которые давали представленія на перебой, такъ что люди, даже занятые службой предались сценѣ дозабвенія своихъ служебныхъ обязанностей.

НЕКРОЛОГЪ.

13 февраля скончался въ Петербургѣ бывший московскій военный генераль губернаторъ, Михаилъ Александровичъ Офросимовъ. Имъ было переведено съ французскаго нѣсколько пьесъ для театра. Изъ нихъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались въ свое время: *Мальтійскій кавалеръ*, комедія въ 1 дѣйствіи въ стихахъ, передѣланная изъ пьесы Скриба «Simple histoire» и *Платье, или мужъ какъ и всякій*, комедія въ 1 дѣйствіи, передѣланная съ французскаго.

Редакторъ В. Родиславскій.

Издатель А. Пономаревъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объявленія для напечатанія въ «Антрактѣ» принимаются въ конторахъ типографій Смирнова и Риса съ платою по 5 к. с. за строку обыкновеннаго шрифта.

ВЪ КОНТОРѢ КОРЕЩЕНКО СТАРШАГО и К^о,

на Мясницкой, противъ дома г. Черткова,

ПРОДАЖА и ПОКУПКА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕНТНЫХЪ БУМАГЪ.

ПРОДАЖА, ПОКУПКА и ССУДА ПОДЪ ЗАЛОГЪ

домовъ, земель, лѣсовъ и выкупныхъ ссудъ, по выкупнымъ предъявленнымъ сдѣлкамъ и уставнымъ грамотамъ.

ЧЕТЫРЕ ДАЧИ

отдаются въ наймы, со всѣми принадлежностями, конюшнями и каретными сараями, на шоссе Петровскаго-Разумовскаго, участокъ № 43-й, г-жи Пономаревой.

МОСКАТЕЛЬНЫЙ ТОВАРЪ

можно получать по сходной цѣнѣ, въ лавкѣ купца Орлова, на Тверской, въ домѣ графа Ефимовскаго.